

18+

Суло Тланова

Хранитель Заповедной Земли

Суло Танова

Хранитель Заповедной Земли

«Издательские решения»

Танова С.

Хранитель Заповедной Земли / С. Танова — «Издательские решения»,

Власть — это самая восхитительная вещь на земле, уверен король-тиран.
Но есть силы куда более могущественные и они скоро объединятся, чтобы установить новый порядок.

© Танова С.

© Издательские решения

Содержание

Илайна	6
I	6
II	7
III	8
IV	9
V	10
VI	12
VII	14
VIII	15
IX	16
X	18
XI	19
XII	21
XIII	22
XIV	23
XV	24
XVI	25
XVII	26
XVIII	28
XIX	29
Мао	31
I	31
II	32
III	34
IV	35
V	37
VI	38
VII	40
Наместник Страны Гроз	41
I	41
II	42
III	43
IV	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Хранитель Заповедной Земли

Суло Танова

Дизайнер обложки Карина Левченко

© Суло Танова, 2026

© Карина Левченко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0065-6830-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Илайна

Помните, я говорила вам о Лутландии и о ее королеве. Все дело в том, что никто и никогда не знал, как она образовалась и откуда взялась ее королева. Никто ее не видел и не знал, как она выглядит. Это закрытая страна. Закрытая тема для всех. Вы же представляете себе, как люди боятся всего того, чего не знают...

Из разговора

I

Девушка в ярко-рыжем пальто совершенно сливалась с деревьями осеннего парка. Она медленно шла, загребая ногами желтую листву, не по дорожке, а прямо среди деревьев, по мягкой мшистой земле. В этот день солнце уже не грело, но светило ярко, ветра не было, и листья плавно кружились, опускаясь на землю. Девушка запустила руку в карман, погремела орешками. Странно, ни одна белка не высунула нос, не спрыгнула с веток прямо на плечо. Куда-то все попрятались.

У дорожки с самого края парка стояла большущая ель. Старая, усыпанная прошлогодними шишками. А под елью — такая же старая деревянная скамья. Ее любимая скамейка. Как-то раз она тут забыла книжку. А, вернувшись спустя неделю, вопреки всем ожиданиям, увидела свою книгу, заботливо завернутую в пакет.

Это была чудесная скамья. Волшебная. Так Илайна называла ее про себя. Однажды ранней весной она повстречала тут бродягу. Старичок сидел, сжавшись под порывами пронизывающего ветра, на нем была старая выцветшая куртка, легкая, совсем не по сезону. Повинуясь тогда какому-то порыву, она накупила теплых вещей — куртку, свитер, шарф. Старик слабо сопротивлялся, но Илайна чуть не силой надела на него все эти вещи. Бродяга потом робко гладил новые вещи своими дрожащими стариковскими руками, заискивающе растягивал губы в улыбке, и Илайне хотелось разрыдаться, но она сдержалась. С этой скамьей было связано немало воспоминаний: веселых, забавных и загадочных. И всегда это были теплые и добрые воспоминания.

Илайна села на скамью. Закрyla глаза и подставила лицо под нежные солнечные лучи, которые, играя с ветвями большого раскидистого дерева, плели свои причудливые светотени.

Старая ель, словно живая, тихо сторожила покой сидящих на скамье. Сюда не долетал шум большого города, крики гуляющих и лай собак. Как-будто тут была другая реальность.

Илайна пошуршала в пакете, доставая шоколадку. Тут же с ели спрыгнула белка и требовательно уставилась на девушку черными глазками-бусинками. Илайна протянула ей на ладони несколько орешков. Зверушка быстро схватила их, молниеносно запрыгнула назад и спряталась среди хвои.

В сегодняшний выходной она договорилась встретиться с Томом в лаборатории. Илайна вздохнула, встала со скамьи, и мысленно попрощавшись и с елью, и со скамьей, и с белочкой, пошла прочь. Идиллия этого места совсем не располагала к боевому настрою, которого требовала ее работа в лаборатории и ее коллектив. Сегодня она должна быть жесткой и решительной, как никогда.

II

В лаборатории все было как всегда. Долговязый Том сидел на своем месте у компьютера и проходил очередной уровень. Он был отъявленный геймер. Чуть свет приходил на работу, включался в игру в любую свободную и даже несвободную минуту. Всех это бесило, конечно. Но Том выплывал благодаря своему профессионализму.

Что и говорить, в их команде все были крутыми профи. Включая Бобби, который, в будние дни приходил позже, перед работой торчал где-нибудь в соседнем кафе, попивал кофе.

Не обращая внимания на вскочившего со своего места Тома, Илайна пошла напрямик по коридору к отсеку номер 3. Том шаркающей походкой поплелся за ней. Он знал, что не может остановить коллегу, но хотя бы сделает вид. Этот броневик мог остановить только мистер Эдвардс, их шеф. И то — не факт. Эта маленькая железная задница, как называл ее шеф, слишком хорошо умеет устанавливать границы. Смерть тому, кто их нарушит. И слишком хорошо знает свое дело. Сам шеф редко спорит с ней.

Но сейчас, в нынешних сложных обстоятельствах, когда они все балансируют на острие ножа, она могла бы умирить свой пыл. Ведь в том, что произошло, была и ее вина. Да-да, самая прямая. В конце концов, они вместе делают одно дело. И должны вместе прийти к единому решению. Вместе. А не решать что-то вдвоем, втайне от всех.

Том пытался, неохотно передвигая ноги, но не отставал. Илайна резко остановилась и повернулась к нему. Она смотрела выжидающе, не мигая. Ждала, что скажет. Но Том молчал. Он отвел взгляд. Парень никогда не мог выдержать ее кошачий взгляд. Пытливый и немного насмешливый.

— Ну что я могу? — развел руками Том, — сегодня на совете комиссии и решится все. Мы должны следовать правилам. И так наломали дров. Нас могут лишить лицензии. А то и вовсе разогнать всех к чертовой матери. А то и посадить, — голос Тома всегда становился высоким и визгливым, когда он волновался, и теперь он намеренно понизил голос почти до шепота.

— Мне все равно, — устало сказала Илайна, — мне не все равно только, что будет с ними, — она указала на дверь, рядом с которой они стояли.

— Завтра все решится, — промямлил Том.

Илайна надела белый халат и шапочку. Том нехотя нацепил на голову колпак. Сквозь толстое стекло резервуара, где производилась бактериологическая обработка, Том наблюдал за Илайной. Та уже стояла в толстом пластиковом скафандре, послушно изгибаясь под струями бактерицидного душа. Вообще-то уход за гнотобионтами¹ должен был осуществлять Том. Но с тех самых пор, как эти существа начали показывать ошеломляющие результаты, он всеми правдами и неправдами открестился от своих обязанностей. Они внушали ужас лаборанту. Хотя Том сам дал животным более романтическое и благозвучное название — луты — находиться рядом с ними он не мог до полуобморочного состояния. Здесь, за пультом, он чувствовал себя намного спокойнее.

Том увидел на экране, как луты окружили человека в скафандре. Парень невольно поежился. Он пригляделся. Что там происходит? Илайна доставала что-то из раструба скафандра и раздавала лутам. Том приблизил камеру. Какие-то круглые штучки, так, ближе, еще ближе... Вот черт, орехи!

— Эй! — он схватил микрофон, нажал на кнопку динамика, — Ты что там делаешь?

Илайна повернулась к камере. Потом сняла шлем и широко улыбнулась. Том остолбенел. Сумасшедшая!

¹ Гнотобионты — безмикробные животные, выращенные в стерильных условиях.

III

Два года назад в их лаборатории появились шесть пар новорожденных морских свинок — гнотобионтов. Из них выжило десять. Зверьки выросли до взрослого состояния и очень скоро на них начали ставить эксперименты по заказу крупной фармацевтической компании. Они тестировали препарат, условно названный «Ф». Лекарство ждали миллионы страждущих с болезнью иммунодефицита.

Первые же результаты показали абсолютную никчемность данного препарата в заявленном протоколе. Однако опыты в лаборатории не остановились.

Мистер Эдвардс был на редкость честолобив. Этот препарат, а вернее, эксперименты с ним, обещали ученому славу, а значит, и деньги. Десять маленьких морских свинок начали стремительно расти.

Илайна, контролирующая изменения на всех стадиях во всех системах, наблюдала удивительные преобразования генома животных. И особенно ее поражали участки изменений мозга. Азарт ученых исследователей не давал остановиться и задуматься. Мистер Эдвардс и трое его помощников неслись на всех парусах науки и знания. Однажды Том воскликнул:

— Да это же настоящий лут! Это награда за наш долгий изнурительный труд! Нобелевская премия нам обеспечена!

Будучи геймером, он и тут не преминул вставить специфическое словечко. Но с легкой руки Тома это название прочно укрепилось. Бобби хмыкнул тогда:

— Да, Томми, особенно твой изнурительный труд. Ты даже покормить их не можешь. Видите ли, скафандр ему жмет.

— Вообще-то, у меня и без этого хватает обязанностей. Что бы вы делали без моих расчетов. У меня нет времени оторваться от компьютера.

Бобби снова многозначительно хмыкнул. Неизвестно, чем бы окончился этот спор, если бы Илайна не взяла на себя все обязанности по содержанию лутов. Она подозревала, что Том попросту боится необыкновенных существ, созданных ими. И вот так, благодаря своим новым заботам, Илайна познакомилась с лутами ближе.

IV

Неподготовленному зрителю луты и в самом деле могли внушить страх. Представьте себе существо около метра высотой, пытающегося вставать на задние лапы и ходить вперевалочку, как медведь в цирке. Луты могли ходить так часами, совершенно не уставая.

Передние лапы их подверглись значительным изменениям. Пальцы начали удлиниться. Четырехпалые кисти стали походить на человеческие руки, только с острыми коготками.

И они продолжали расти.

Поначалу Илайну тоже пугал вид этих существ. Ей было не по себе, и больше от сознания того, что причастна к таким удивительным метаморфозам. Но постепенно она стала относиться к ним как к переодетым в костюмчики детям. Луты были добродушные, веселые и игривые создания. Они любили общество, и вскоре очень привязались к Илайне. При этом они воспринимали ее не как человека в скафандре, а именно как Илайну, девушку, которая разговаривала с ними, гладила по голове и чесала спинки.

Когда Бобби в таком же скафандре появлялся рядом для проверки технических параметров помещения, луты сбивались в кучку в уголке. Помимо внешних изменений с лутами происходило что-то. И эти процессы были связаны с эволюцией мозговой деятельности. Они становились умнее. Луты копировали поведение людей. И это было забавно.

Один из лутов, Илайна называла его Заводила, ходил вперевалку, чуть нагнувшись вперед, заложив свои короткие лапы за спину. Ну точь-в-точь как мистер Эдвардс. А Белочка, лут с белой отметиной на лбу, любила смотреть на свое отражение в блестящем металлическом блюде. Илайна принесла ей маленькое круглое зеркальце, с которым Белочка не расставалась. Задира и Беспардон вечно грызлись между собой. А Дита все время их разнимала. Кент был послушный и тихий. А Пруст самый умный.

Илайна не могла не понимать, что в итоге лутов ждет участь всех лабораторных животных. Их утилизируют за ненадобностью или к этому принудит комиссия по этике. Но у мистера Эдвардса были далеко идущие планы. Он, как угорь, скользил между кабинетами вышестоящих инспектирующих организаций. И между делом тайно вел переговоры с военным ведомством. В предвкушении баснословной прибыли лаборатория работала в усиленном режиме. А у Илайны были свои планы. Первые шок и эйфория прошли. Она думала о том, как спасти своих подопечных. Если учесть, что луты могли погибнуть от взаимодействия с любыми микроорганизмами вне стен лаборатории, она начала приучать их к этому взаимодействию постепенно. На свой страх и риск Илайна шаг за шагом разрушала безмикробную среду. Благо, в ее арсенале было много способов облегчить переход лутов от безмикробного существования к безопасному взаимодействию с микроорганизмами.

V

Поэтому, к сегодняшнему дню, когда Илайна сняла шлем и накормила лутов «грязными» орешками, она была вполне уверена в безопасности своих подопечных. Но Том ничего этого не знал, поэтому был напуган. Илайна стояла там, за стеклом, без шлема, в окружении лутов и махала ему рукой. Потом она поднесла шлем к лицу и Том услышал ее голос в динамике.

— Том, иди спускайся к нам. Я познакомлю тебя с лутами поближе. Можешь не надевать скафандр. Это безопасно для них, — она помолчала и добавила, — И для тебя тоже. Том, никто тебя не съест. Они вполне цивилизованные.

Пять минут спустя Том стоял рядом с Илайной в окружении лутов. Вблизи они уже не казались такими ужасными. Том осторожно погладил по голове лута с белой полоской на лбу.

— Он очень милый.

— Ты тоже ничего, — сказал лут, подмигнул Тому и улыбнулся.

Том, кажется, потерял дар речи. Он уставился на существо широко раскрытыми глазами.

— Том, — Илайна дотронулась до руки парня, — Ты же видишь их? Они тебе нравятся? Ты только посмотри, какие они необыкновенные! Они, как ты и я, только мохнатые. Будет преступлением продолжать дальнейшие опыты над ними.

— Но что нам делать? Их уже не спрячешь в коробку.

Парень неопределенно поднял руки и повернулся к выходу.

— Том, мы должны вместе подумать, как спасти их! Пойми, это уже не игра. Они погибнут, если мы не вмешаемся! — она покраснела, заговорила быстро и возбужденно, Том никогда не видел ее такой, — Том, подожди, Том. Впрочем, ты всегда был такой, что я хочу от человека, который живет полноценной жизнью, только когда включается в игру. Это в игре можно сколько угодно махать мечом, спасти принцесс, ощущать себя героем, а потом просто выключить компьютер. И ничего не изменится. В жизни все совсем не так. Если надо спасти кого-то, то будь готов жертвовать и рисковать. Можно сколько угодно кричать: какой я герой, какой я сильный и справедливый, но так и остаться трусом, когда доходит до дела!

Том резко повернулся. Он обвел взглядом лутов, выстроившихся, как на параде. Они все смотрели на него круглыми осмысленными глазками. Один из лутов, серый и лохматый, помахал лапой. Том невольно улыбнулся.

— Я хочу спасти их, но как? Как? Ты уже придумала?

— Нет, это же ты у нас великий стратег! — в тоне девушки не было и намека на привычную всем усмешку.

Илайна и Том договорились, что будут держать в секрете все изменения с лутами. Они решили, что противодействие мистеру Эдвардсу стоит скрывать и от Боба. Он слишком занудный, всегда подчиняется правилам.

Несколько последующих дней все как — будто попритихло. Шеф ходил довольный, потирал руки, и о том, что решили на заседании этической комиссии, помалкивал. Зато начал сам участвовать во всей цепочке эксперимента. А иногда даже спускался к лутам. Илайна наблюдала за ним из-за стекла пульта. Тревожно ловила каждое движение шефа. Звери вели себя так, будто все понимали. А вернее, будто совсем ничего не понимали. Мистер Эдвардс, кажется, не замечал ничего вокруг. Смотрел на лутов, как пастух на стадо овец. Часто он стоял посреди отсека, гордо подняв голову, насколько позволял скафандр. Его тщеславие ученого было удовлетворено с лихвой.

В лабораторию то и дело заглядывали мрачные люди в строгих костюмах, сидевших на них несколько мешковато, как будто с чужого плеча. Мужчины долго торчали у пульта и наблюдали за лутами. К счастью, в отсек они не спускались. В эти дни люди в костюмах допоздна сидели в кабинете мистера Эдвардса. Никого из работников лаборатории туда не допускали.

Люди в костюмах никогда не заговаривали с ними. И лишь однажды Илайна услышала что-то из уст одного из этих странных людей. Он сказал, уставившись прямо ей в глаза своими бледными рыбьими глазами:

— Берегите их. Очень берегите.

И от этих слов Илайне стало крайне неудобно.

VI

...Илайна шла по длинному коридору. За ней цепочкой двигались луты. Вдруг засовы на входной двери захлопнулись. Илайна повернула назад, чтобы успеть всем вместе выскочить из другой двери. И эта дверь захлопнулась тоже. Они оказались в ловушке. Из отверстий под потолком повалил дым. Показались языки пламени. Испуганные луты окружили ее. Казалось, все было предрешено. Илайна чувствовала подступающий со всех сторон жар. Дышать стало невыносимо трудно. Луты повалились на пол. Среди стонов и хрипов она уловила тихий свист и шелест. На краю сознания Илайна увидела себя лежащей на ложе из перьев. Чьи-то могучие крылья несли ее высоко над землей, над деревьями, реками, городами. Она неловко повернулась и, о ужас, полетела вниз...

Илайна вздрогнула и открыла глаза. Она сидела на скамейке возле высокой старой ели. Поежилась. Интересно, который час? Было светло. Щебетали птицы. Наверху скакали белки. Она вспомнила, как накануне, засидевшись допоздна в лаборатории, прибежала на станцию, но последний поезд показал хвост. Назад в лабораторию идти не хотелось, и она пришла в парк, на свою скамейку. И не заметила, как уснула.

Илайна потянулась, и только тут увидела, что не одна. На другом конце скамьи — тот самый бродяга — старичок, одетый в куртку и шарф, подаренные Илайной. На лице — знакомые черные круглые очки, на голове — старомодная потрепанная шляпа. Он протянул девушке пачку крекеров:

— Угощайся.

— Спасибо.

«Еще бы кофе» — подумала Илайна. Старик протянул картонный стаканчик. Она открыла крышку Starbucks и втянула терпкий аромат. В последнее время Илайна уже ничему не удивлялась. Странные волшебные события окружали ее с тех пор, как луты научились говорить. Но об этом никто не знал, кроме Тома. Еще никто в лаборатории не знал, что луты перестали быть гнотобионтами, ну опять же, кроме Тома. Вот только они с Томом никак не могли придумать, как же вывезти и спрятать лутов. Столько секретов — и все бесполезно. Как спасти лутов? Как их спасти?

Илайна поймала себя на том, что думает вслух. Да какая разница! Ей хотелось с кем-то поделиться своими секретами. Старичок, казалось, тихо дремлет, уронив голову на грудь. Она продолжала свой рассказ и сама себе удивлялась. Интересы общего дела всегда были для нее в приоритете. Честность, здоровое честолюбие и командный дух, и в будущем защита докторской. И вдруг наломать столько дров, фальсифицировать все последние результаты! Что чревато не только увольнением, может даже тюремным сроком! А что в итоге? Ничего.

— Уж мистер Эдвардс найдет миллион причин засадить меня за решетку, — вздохнула Илайна, — Но я ни о чем не жалею. Лишь бы только придумать, как спасти лутов. Я уже натворила дел, и еще на многое бы пошла, лишь бы луты оказались в каком-нибудь безопасном месте.

— Ты очень их любишь?! — полувопросительно — полуутвердительно воскликнул старик.

— Может быть. Ну да, я полюбила их, они такие хорошие.

— Так нужно бороться! Нужно их спасти! Нужно всегда бороться за свою любовь.

Бродяга захихикал. Илайна покосилась на него. И тут она не выдержала и заплакала. Все накопившееся напряжение последних месяцев полилось из глаз.

— Могу я взглянуть на этих лутов? Мне они кажутся такими занятыми. Да, я уверен, это то самое. Они мне понравятся! Пойдем скорей! Мне кажется, ты меня разыгрываешь, — он погрозил пальцем.

«Вот уж гениальное решение поделиться своими проблемами с... Вот уж замечательный тандем — сумасшедший бродяга и сумасшедшая Илайна» — горько думала Илайна. Слезы продолжали течь из глаз. Старик придвинулся и погладил ее по голове.

— Не плачь, дочка. Ты умная, наверняка что-нибудь придумаешь. Как бы мне хотелось посмотреть на них.

От прикосновения его ладони девушке стало как-то легче. Так давно ее не гладили по голове. В этой отеческой ласке было столько теплоты и нежности. Новая волна рыданий подкатила к горлу.

— Ну можешь еще поплакать, а потом мы пойдем к лутам.

Илайна взглянула на старика. Что-то и плакать расхотелось. Она улыбнулась. Да что она теряет? Если так глубоко задуматься, то все. Ну и напоследок можно же кого-то порадовать. Утолить его детское любопытство. Не так уж много у него радостей. Провести старика в лабораторию она сможет ночью. Они проберутся в отсек, когда охранник уйдет с обходом в другой конец здания. Еще один безрассудный поступок в копилку ее безрассудств. А что? Это весело — быть сумасшедшей!

— Дедушка, — сказала Илайна, — я тебя сейчас обниму.

Старик сам обнял девушку. От него пахло можжевельником и свежими опилками.

VII

Весь день Илайна носилась по лаборатории. Работы было слишком много. Сейчас, если бы кто-то напомнил об утреннем разговоре с бродягой, это показалось бы ей несерьезным.

Время было 11 часов ночи, когда Илайна щелкнула мышкой, и все окна на ее компьютере погасли. На поезд она опоздала. Она решила заночевать в лаборатории, на узком диване в комнате отдыха.

Где-то далеко за полночь Илайна проснулась. Кто-то укрыл ее пледом. Беспокойство овладело девушкой. Что это было? Чувство вины, что проспала время, когда должна была встретить старика? Не было чувства вины. Это все глупо. И никому она ничего не обещала. Илайна снова провалилась в сон.

Утро началось как обычно. Первым делом, ей нужно было спуститься к лутам для утренней кормежки. Надо надеть скафандр. Она, конечно, могла заскочить к лутам и без скафандра, но вдруг кто-нибудь ненароком заглянет, и тогда все откроется.

Илайна вошла в отсек к лутам. Щелкнула выключателем. Помещение было небольшим, полукруглым, все на виду. В пустой комнате лежали на полу разные игрушки, большое блестящее блюдо, миски, а лутов не было. Сердце Илайны бешено застучало. То, чего она боялась и ждала, произошло. Больше всего сейчас она ненавидела мистера Эдвардса за его вероломство. Он все-таки отправил лутов в лабораторию к военным. Все обтяпал тайно, ночью, не дав возможности попрощаться.

На душе было гадко и противно. Они так верили ей. Так стремились на волю. Думали, что она их спасет. Но, рыдай, не рыдай, дело сделано. Раз не нашлось мужества и дальновидности уничтожить лутов еще тогда, в самом начале. Скрыть от шефа результаты. Ведь она могла их попросту забрать из лаборатории и отвезти в зоомагазин.

С тяжелым сердцем Илайна приступила к своим обычным обязанностям. Тома еще не было. А Боб зашел по дороге в кафешку, как всегда. Илайна погрузилась в таблицы и схемы. Она не подозревала, что совсем скоро ее жизнь круто изменится.

VIII

Вскоре пришли коллеги. Каждый из них встретил новость о том, что лутов увезли, по-своему. Боб сказал, что скоро они разбогатеют. Том многозначительно посмотрел на Илайну. В его взгляде проскользнуло сочувствие.

Но какого же было удивление всех троих, когда они увидели реакцию мистера Эдвардса на опустевший отсек номер 3. Сначала он наорал на Тома. Сжав кулаки, еле сдерживаясь, чтобы не пустить их в ход, подпрыгивал, размахивал руками. Куда девалась его обычная аристократическая сдержанность! Потом накинулся на остальных подчиненных.

Прооравшись, шеф спустился в отсек. Ребята, ошарашенные, последовали за ним. Получалось, что их руководитель ни при чем. Но чем объяснить исчезновение лутов? Они сбежали? Как? Их украли? Кто?

Илайна была удивлена не меньше всех. Хотя при этом чувствовала себя лучше всех.

Шеф проверил помещение. Заставил подчиненных обследовать каждый уголок и щель отсека. Илайну, как самую худую и легкую, посадили к вентиляционному люку. Люк был плотно закрыт, но тем не менее, его легко можно было выдавить, и также легко вернуть на место. Дальше она могла передвигаться только ползком. И тут девушка увидела зеркальце, которое сама же принесла Белочке. Она тихонько подобрала его и спрятала в карман. Ее догадка подтвердилась — луты сбежали! Илайна ликовала. Ей уже ничего не хотелось выяснять: и то, как они выбрались, и куда подевались. Главное, что они не в цепких лапах военных.

Узкая вентиляционная шахта вела на крышу. Еще один, сдвинутый с места люк. Теперь уже Илайна не сомневалась — луты смогли спастись!

Весь день лаборатория стояла на ушах. Мистер Эдвардс обратился в частную сыскную фирму. По коридорам и помещениям сновали посторонние люди. На крыше здания велись какие-то замеры.

Илайна короткими фразами отвечала на вопросы: «Да, это лабораторные животные с несколько измененными внешними формами», «Нет, они не проявляли никаких необычных свойств», «Нет, я никого не подозреваю» (на этом вопросе она крепко сжимала в кармане зеркальце).

Ни свидетели, ни камеры наблюдения не смогли прояснить путь и дальнейшую судьбу беглецов. Наконец, к концу дня уставший шеф призвал подчиненных к себе в кабинет.

— Я ничего не понимаю. Здесь везде камеры, охрана, — сказал он, — Я всех проверю, и малейшее подозрение, что кто-то из присутствующих имеет к этому отношение, лишает его всех привилегий и всех прав, которые дает ему высокое звание научного сотрудника нашей лаборатории. Более того, я сделаю все возможное и даже невозможное, чтобы лишить данного сотрудника его дальнейшей карьеры. И не только карьеры, но и само существование данного субъекта я буду иметь полное моральное право поставить под вопрос. Мне ли вам говорить, что последние исследования были на грани прорыва. Мне, как ученому, совершенно не ясны суть и цели данного преступления. Ведь вне стен нашей лаборатории совершенно невозможны никакие позитивные сдвиги в развитии направления генномодифицированных видов в биологии. Я всегда говорил и буду настаивать...

Дальше Илайна уже не слушала. Под получасовую речь шефа она думала о том, как зайдет в супермаркет, чтобы купить крылышки и картошки для запекания. Завтра выходные и она отпразднует побег. Несмотря на усталость, настроение было превосходным, и она еле сдерживалась, чтобы не разулыбаться.

IX

Дни шли за днями. В лаборатории ничего не происходило. Полная рутина. Илайна избегала всех разговоров о лутах. Даже с Томом. А однажды они сами дали о себе знать.

Прошло чуть более месяца с тех пор, как пропали луты. Стояли погожие октябрьские дни, последние перед затяжными осенними дождями. Илайна гуляла по парку, решила выходной провести на свежем воздухе. И, как обычно, перед уходом она присела на свою скамейку у большой старой ели.

Тишина и безлюдность этой части парка всегда притягивала девушку. Здесь так хорошо думалось и мечталось. Илайна вспомнила, какими беспокойными, но счастливыми были дни, посвященные заботам о лутах. Где же они? Что с ними стало? Живы ли? Эти полуживотные — полулюди такие наивные, доверчивые, беспомощные. Их исчезновение — загадка для всех. И в этом было что-то такое мистическое. Впрочем, само существование лутов выходило за рамки обычных вещей. Такой получился сказочный народец. Так пусть же они попадут в сказку. В какой-нибудь сказочный мир. Подальше от опасных людей. Как хочется в это верить.

Илайна была реалисткой. Она не верила в сказки. Она не любила людей. Слишком хорошо их знала. Она никогда не сходилась близко ни с кем и редко ошибалась в своих оценках. Те, кого безоговорочно любила, остались далеко, в другой стране, за океаном. В этой жизни приходилось прятать свое искреннее, ранимое, откликающееся нутро. Слишком дорого впоследствии обходилось доверие к людям.

Стоит ли говорить, что ее нынешнее окружение, коллеги, считали Илайну черствой, холодной и надменной карьеристкой. Ведь они не знали, сколько бездомных котят она подобрала и пристроила, сколько средств отдавала на содержание приютов для бродячих животных. Лучшие люди — это звери, считала она. Собственно, по ее опыту оно так и выходило.

Рядом раздалось осторожное покашливание. На краю скамейки сидел старый знакомый, старичок — бродяга.

— Привет, — он приподнял свою ветхую шляпу и отвесил легкий поклон, — Давненько вы сюда не приходили, Илайна. А я вас каждый день тут поджидал.

— Здравствуйте, а мы разве договаривались? — Илайна покосилась на старика, она, конечно, помнила про их уговор, но это было так несерьезно.

— Я мистер Ойл.

— Очень приятно, и до свидания, мистер Ойл. Мне пора.

— Погодите, кое-кто просил вернуть ему зеркальце, кругленькое такое, маленькое. Белочка хочет именно то зеркальце, которое подарила Илайна. Так она сказала. И никакое другое.

— Белочка? Просила? — девушка растерянно пошарила в сумке, нашла зеркальце, протянула старику.

Потом она опомнилась, придвинулась ближе.

— Мистер Ойл, что вы знаете про лутов? Где они? Как они сбежали?

Старик молча смотрел на девушку. Она боролась с желанием взять его за грудки и потрясти. Бродяга снял свои черные круглые очки, прищурил глаза и спросил вкрадчивым, как показалось Илайне, тоном:

— Неужели ты ничего не помнишь, дочка?

Его светло-карие, почти желтые глаза смотрели, не мигая.

— Все двери были закрыты, никаких следов... И камеры...

— Есть много других способов, помимо двери, чтобы исчезнуть. Спасибо, что поверила мне. Спасибо, что доверила мне своих лутов.

— В последнее время что-то в моей голове ничего не задерживается. Я не помню ничего.

— А ничего и не нужно знать и помнить. Достаточно разрешить себе довериться, — старик помолчал, потом улыбнулся, — Сейчас они в безопасности. Живут в полной гармонии с природой и с собой. У лутов свое собственное царство, но не хватает... Они очень скучают по тебе, Илайна. Не проходит и дня, чтобы они не вспомнили о тебе. И они хотят вернуться, чтобы встретиться и быть с тобой. Я не знаю ни один такой народ, который бы так безоговорочно любил своего создателя.

— Но им нельзя сюда возвращаться. Это очень опасно. Пусть остаются там, где им хорошо. Можете передать им, что я тоже очень скучаю.

— Может, ты сама им это скажешь?

— Я бы очень хотела!

Х

В эту ночь Илайне приснился странный сон. Она видела его однажды. Она летела на спине какой-то огромной птицы. Вцепившись в перья, девушка смотрела вниз на землю. Они летели то над лесом, то над водной гладью, то над крышами строений.

Картины внизу сменялись с невероятной скоростью. А наверху и вокруг были только облака. Вдруг все это закружилось, смешалось, облака оказались внизу, а земля с холмами — наверху. А потом — все наоборот. Илайну подхватило воздушным вихрем, она куда-то стремительно неслась уже сама, летела и проваливалась в воздушные ямы, кружилась вместе с невидимыми потоками воздуха. Страху совсем не было. Один только восторг от полета.

Потом Илайна плавно, словно перышко, приземлилась на землю. Она стояла на склоне высокой горы. Илайна ущипнула себя за руку и вскрикнула. Что это, если не сон? Только что она была в своей постели, а теперь стоит на траве, и вокруг горы. Причем в том месте, где она живет, совсем нет гор.

На большом камне поодаль сидел крупный филин и чистил перья. Он не обращал на нее никакого внимания. Илайна осторожно приблизилась к птице. Вблизи он был огромным. Рядом с филином лежало зеркальце.

— Это ты меня принес сюда? — спросила Илайна и ей стало смешно, что она разговаривает с птицей.

— Да, дочка, — ответил филин знакомым голосом, — Иди вон в ту пещеру. Это Подгорный Лабиринт. Там тебя ждут.

— Мистер Ойл?

— Иди же скорей. Беги к своим лутам. Стой! — птица расправила крылья и торжественно произнесла, — Приветствую тебя в королевстве Лутландия! Твой народ ждет тебя!

XI

Илайна поспешила в том направлении, что указал филин. Между переплетенных тонких стеблей растений не сразу был замечен вход в пещеру.

Внутри у входа лежал аккуратный, сплетенный из трав, коврик. По правую сторону каменила глухая стена, в которую были вбиты крючья. На некоторых из них висела одежда — плащи, шляпы. По другую сторону открывался вид в полутемный грот.

Илайна осторожно прошла внутрь и оказалась в просторном зале. По стенам висели подсвечники, тускло освещающие пространство вокруг. Каменный пол пещеры был выскоблен и чист. Свод пещеры уходил высоко вверх и в полутьме совсем не был виден.

Илайна увидела у дальней стены камин, рядом кто-то сидел и ворошил дрова. Желтые огоньки пламени шевелились и подергивались, уютно раскрашивая темноту. Вкусно пахло жареными грибами.

— Сегодня у нас грузди с жириничной подливой и мятный чай. И что-то ты рано явилась, просил же тебя, деточка, до вечера не приходи, не мельтеши тут, сейчас все повалят гурьбой за тобой, как всегда.

Голос исходил от человека у камина и был глухой, низкий и немного ворчливый. Илайна остановилась. Человек у камина оглянулся и вскочил с радостным воплем. Это был один из лутов, кажется Пруст, очень спокойный и тихий, Илайна не слышала, чтобы он говорил что-либо раньше. Они обнялись. Девушка заметила, что лут значительно подрос. На нем были штаны, вязаный свитер и шарф, обмотанный вокруг шеи, и о том, что перед ней не человек, говорили только голова с торчащими наверху ушками, заросшее грубой щетиной лицо и босые мохнатые ступни.

— О, Илайна, королева моя, мечта, как же я рад, что ты пришла! Дай же я взгляну на тебя, душа моя, красота моя, — Пруст ходил вокруг и оглядывал Илайну со всех сторон.

— Милый Пруст, как же я рада, как я рада, — от избытка чувств она забыла все слова и просто повторяла, — как я рада! Как хорошо!

— О да, здесь у нас хорошо! Не в обиду тебе будь сказано, не то что там, в вашем отсеке номер 3. И этот еще, как его, мистер Эдваардс, невыносимый, все время хотел его укусить. А здесь у нас свежий воздух, горные снега, трава, душистая, ты не представляешь, какая душистая здесь трава! Я тебе покажу одну полянку. Там невиданное количество всяких трав и цветов, тебе понравится!

— Пруст, а где ж остальные?

— Да погоди ты, дай я налюбуюсь на тебя сначала сам. А то налетят сейчас, набегут, безобразники!

Пруст рассказал Илайне, что остальные луты пошли по своим делам. Здесь у каждого свои обязанности, никто не сидит без дела. Вот он, например, Пруст, очень любит варить еду, и особенно придумывать такие заправки, чтобы нравились всем, а для этого он ходит и собирает разные травы. Еще он любит костерок, так хорошо смотреть на огонь и в тишине, пока никого нет, помечтать.

— Ох, что ж это я разболтался, — спохватился Пруст, — ты не голодная? Сейчас тебя накормлю.

Он побежал к камину. Открыл крышку котла, стоящего на решетке над огнем. Ароматный дух содержимого котла разлился вокруг. Пруст помешал варево большой деревянной ложкой.

В это время Илайна еще раз огляделась. Несмотря на каменные стены, здесь было невероятно уютно. Грот разветвлялся еще на несколько помещений, их входные арки темнели дальше вдоль стены. Рядом с камином стоял большой круглый стол из горной породы с выдолблен-

ными углублениями для ног. На столе возвышался огромный пузатый самовар и тихо посвистывал. Вокруг толпились чашки и кружки разных размеров и форм. На лавке возле стола лежали аккуратно сложенные полотенца. Еще одна длинная лавка находилась у стены. На ней стояли корзины. На полу, тут и там были раскиданы круглые, плетенные из травы, коврики, от них исходил терпкий запах свежескошенного сена.

Весь интерьер напоминал избу каких-то давних времен. Все это: и большой стол, и кипящий самовар, и огонь в камине — навяли Илайне детские воспоминания о времени, проведенном в гостях у бабушки в деревенском доме с садом и задним двором с курами, гусями и большим стогом сена.

XII

Илайна была скромным сотрудником небольшой научной лаборатории. Она никогда не была знаменитостью и редко попадала в эпицентр каких-либо знаменательных событий. И потому, когда ликующая толпа возбужденных от немыслимой радости лутов окружила девушку, она очень растерялась.

Луты прыгали, кувыркались, галдели, подбрасывали вверх свои шляпы и вообще все, что было в их руках. Они совсем не были похожи на тихих обитателей отсека номер 3. Это были фанаты, обожающие своего кумира. Это был народ, встречающий свою любимую королеву.

Илайна даже прослезилась от наплыва чувств. Она не ожидала, что своим появлением может вызвать такую искреннюю бурю радости и счастья. Кто еще так радовался ей? Она не могла вспомнить.

А между тем, луты мало-помалу успокоились и чинно выстроились перед гостьей. Пруст на правах первого, кто встретил Илайну, начал представлять ей своих соплеменников. Хотя Илайна их всех хорошо помнила, но теперь, когда луты были разодеты в разные одежды, она едва узнавала, кто из них кто. Илайна сейчас как-будто заново знакомилась с каждым из них. И ей они очень нравились.

— Мои дорогие луты! Как же я рада, что вы живете в этом тихом, таком красивом месте. И у вас все хорошо. Какие же вы прекрасные и умные создания, — тут она нахмурилась и продолжила, — Простите меня, что не смогла вам помочь. Боюсь даже представить, что вам пришлось пережить.

На этом месте луты замахали руками, закрутили головами и наперебой начали уверять Илайну, что все вышло как нельзя лучше. И, благодаря ей, они здесь и живут счастливо.

Потом вперед выступил лут в соломенной шляпе, потертых штанах и клетчатой рубашке с крупной круглой головой, грозным взглядом из-под кустистых бровей и прямой горделивой осанкой. Илайна узнала в нем Заводилу.

— Моя дорогая Илайна, — начал Заводила, — видит и слышит Оракул, сейчас я скажу то, что думает каждый из нас. Потому что мы много раз это обсуждали. Но начну сначала, — лут глубоко вздохнул, — Спасибо мистеру Ойлу, который любезно предоставил нам свою землю, по его словам, в вечное и беспрекословное пользование. Поначалу нам туго пришлось. Мы были беспомощным маленьким народом, кинутым на произвол судьбы. Но потом мы огляделись, пораскинули, и решили не только выживать, но и жить, и процветать. В каждом из нас нашелся свой уникальный талант и умение, которые помогли нам выжить. Я никого не хочу выделять отдельно — все молодцы, — в этом месте луты оживились и заулыбались, — Но самое главное, что у нас есть, это свобода и та большущая вера в свои силы, в себя, что дала нам твоя любовь, Илайна, в самом начале. Благодаря тебе, наша Илайна, мы те, кто мы есть. Мы другие, не похожи ни на кого, но мы горды этим. А теперь мы бесконечно счастливы. Мы собираемся создавать свой мир, восхищаться им, украшать его. Процветать в нем. И нам очень хочется делиться этим с тобой. Мы предлагаем тебе быть с нами. Удостоить нас такой чести. В любом случае, решишь ты остаться или нет, мы всегда с раскрытыми объятиями будем ждать тебя.

Заводила поклонился. Следом за ним все луты поклонились девушке. Илайну очень тронули эти слова. Она пообещала подумать. Хотя в глубине души уже знала ответ.

XIII

Общаясь с лутами, Илайна удивлялась, насколько они продвинулись эволюционно. Как биологу, это было понятно, в цепочку ДНК они внедрили препарат, влияющий прогрессивно на все процессы жизнедеятельности.

Ей казалось удивительным другое — сколько человечности, доброты и милой сердечной наивности было в каждом из лутов. Назвать их животными язык не поворачивался.

Хотя, что плохого в слове животный? Это ведь люди наделили его всеми негативными значениями. Если животный инстинкт — то порочный, если животный ужас — то что-то из ряда вон. А вот если начистоту, животные ведь ничем не хуже людей. А во многом и лучше. Это ведь не животные, а люди начинают войны, люди не довольствуются малым, и ради обладания богатством готовы убивать себе подобных.

После вкусного обеда Белочка вызвалась сопровождать Илайну в ее прогулке по окрестностям. Здесь было на что посмотреть и чем полюбоваться. Пещера лутов находилась в горах и защищалась со всех сторон высокими скалами и лесом. Сама пещера имела много разветвлений. Это был целый подземный город с озерами, реками, гротами и впадинами.

Некоторые из гротов луты начали обустраивать. Но еще много сил и времени уходило на то, чтобы исследовать территории. Поэтому каждая прогулка была не только развлекательной, но и полезной. Илайну восхищал пейзаж. Природа в Лутландии отличалась от привычной. Здесь краски ее были яркими и сочными. Зеленая трава — необыкновенно изумрудного оттенка, небо — ярко-голубого. Даже серые склоны гор не были скучными и однородными. Они были усеяны многочисленными островками всевозможных растений, многие из которых Илайна видела впервые.

Луты потрясали своими стойкостью и трудолюбием. Они день и ночь что-то строили, таскали, мастерили, придумывали новые способы обработки камня и дерева. Луты и лутихи работали на равных, не покладая рук. Их спорая деятельность и энтузиазм были настолько заразительны, что Илайна вместе с лутами строила, копала, месила, несмотря на протесты Заводилы. И успокоилась только поздним вечером, когда все луты, сложив свои орудия и шумно переговариваясь, собрались в уже знакомой пещере с камином.

Пруст успел состряпать вкусный ужин — грибы и перловую кашу, щедро сдобренные жириникой. К чаю он подал варенье из лесных ягод и орехов. Илайна устала, но была счастлива. Разговоры лутов умиляли ее и очень смешили.

Вскоре она засобиралась домой, но вдруг поняла, что понятия не имеет, где ее дом и как до него добраться. Дита, лут с рыжей копной волос, запрыгала и захлопала в ладоши:

— Вот и хорошо! Значит, ты останешься с нами! Пойдем я покажу тебе твою комнату!

— Дита, — строго сказал Заводила, — Ты не можешь решать за Илайну. Ну что за невоспитанность!

Он взял за руку девушку и повел из пещеры. У склона высокой горы они остановились, молча постояли немного. Потом Илайна тронула Заводилу за плечо и, не оглядываясь, пошла по тропинке прямо к тому валуну, где давеча сидела птица.

XIV

Прошло немало времени с тех пор, как Илайна впервые побывала в гостях у лутов. Она потом часто навещала их. Теперь девушка могла попасть в Лутландию самостоятельно, без помощи мистера Ойла и его могучих крыльев.

Она могла попасть к лутам в любое время, когда только пожелает. И, надо сказать, что желание оказаться рядом с ними, возникало у Илайны все чаще и чаще. Стоило только захотеть, как стена в ее комнате таяла и через некоторое время, преодолев круговорот времени и пространства, Илайна оказывалась ровно в том месте, куда желала. В Лутландии. Наверно, это был подарок мистера Ойла. Ведь раньше она не могла попасть куда-либо из своей квартиры, минуя дверь.

Жизнь в городе и работа в лаборатории не шли ни в какое сравнение с жизнью в стране лутов. Тут все время что-то происходило. Здесь кипела жизнь. И каждый раз Илайна наблюдала у лутов все новые умения. Они постоянно развивались, чему-то учились. И дело тут было вовсе не в препарате, которым напичкали лутов в лаборатории, а в жизнелюбии и любознательности, энергичности и активности этих существ.

«Мой маленький народец» — называла лутов Илайна. А они, в свою очередь, при каждом появлении девушки, сопровождавшемся брызгами разноцветных искр, прыгали от радости, кувыркались и кричали: «Ура! Наша искорка светящаяся, наша Илайна, как мы рады!»

Все луты жили в одной пещере. Пещера называлась Подгорный Лабиринт. Она разветвлялась на множество гротов, соединенных между собой переходами и ступеньками. Войдя в пещеру с северной стороны горной гряды, можно было выйти из пещеры, например, в южной стороне, или восточной.

Помещения внутри горы постепенно превращались в уютные, приспособленные для жилья, комнаты. В лесу, окружающем горы, росло множество ягод и грибов. Пруст мог по запаху определить, съедобные они или нет. Из плодов жириники луты выжимали растительное масло.

Дита и Белочка собирали крапиву, осоку по берегу озера, коноплю в долине и пряли из них нити для полотна. Потом полотно окрашивали и отшивали одежду. Из глины они научились лепить посуду и другую утварь. Особенно в этом преуспели Грызлик, Беспардон и Кукета. По сути Лутландия была маленькой моделью развития цивилизации. Только в отличие от человеческой, двигавшейся вперед захватническими войнами и насилием, в лутянской развитие основывалось на труде, знаниях, умениях и поддерживающем братстве. ò1

К тому же луты могли спокойно переносить бытовые и природные тяготы, они вместе преодолевали трудности, как одна большая семья. Единственные вещи, которые луты просили привозить из нашего мира, это книги, пластинки и музыкальные инструменты. «Маленький народец», все как один, любили слушать сказки, петь и плясать.

XV

Так, в трудах и веселье, проходили день за днем. Счастливая и беспокойная жизнь лутландцев среди природы была полной противоположностью унылому существованию в городских джунглях. Очень скоро Илайна забросила свои научные изыскания в лаборатории и полностью окунулась в новый мир, куда более насыщенный и интересный.

Здесь ее знания и умения приносили больше практической пользы. Так луты вместе с Илайной научились некоторые научные разработки использовать в повседневной жизни.

Единственное, что беспокоило Илайну, это то, что лутов очень мало, недостаточно для полноценной страны. А для воплощения некоторых идей и подавно требовалось больше рук. Например, для строительства канатной дороги, соединяющей восточный и северный входы Подгорного Лабиринта.

Или тот концерт, в котором участвовали все луты. А смотреть-то было некому! Одна Илайна сидела на пенечке и хлопала в ладоши.

Однажды Илайна собралась в отпуск, и, конечно же, путь ее лежал в Лутландию. Собрав необходимый минимум вещей и целый рюкзак подарков для лутов, она задумалась, где и с кем останутся два ее питомца, кошки Моки и Мираи.

Немного подумав, Илайна решила взять их с собой. Луты — народ доброжелательный, могут со всеми ужиться. А вот как кошки воспримут лутов, смогут ли безопасно соседствовать с такими необычными существами, не испугаются ли. Но, в любом случае, не оставлять же их одних на такой длительный срок. Этак они совсем отвыкнут от нее.

Но то, что случилось дальше, не мог ожидать никто. Как обычно, Илайна материлизовалась в южной стороне большой гряды. Там находилась ее пещера. Это была очень уютная комната с камином, большой удобной кроватью и гардеробом. Луты приложили немало усилий для придания гроту уюта и удобства. Единственный недостаток — отсутствие естественного освещения, что восполнялось обилием светильников и свечей.

Кошек девушка посадила в корзинку. Но после перемещения Мираи и Моки куда-то пропали. Ни корзинки, ни кошек. Вместо пушистых питомцев она увидела двух незнакомцев. Молодые люди — парень и девушка — стояли у камина и во все глаза смотрели на Илайну. Парень среднего роста, лет восемнадцать, не больше, худощавый, с черными, слегка выюющимися волосами до плеч, спросил хрипловатым тихим голосом:

— Илайна? — он оглянулся на стоящую позади девушку, — Мираи?

Девушка, удивленно подняв брови, оглядывала все вокруг. Она была чуть постарше парня, со светлыми длинными волосами, лицо ее, очень миловидное, выражало испуг и недоверие.

— Вот так вот, да? Чудеса продолжаются, мистер Ойл? — спросила Илайна, хотя в комнате мистера Ойла не было.

Илайна поняла, что эти двое и есть ее кошки. Нельзя сказать, что она обрадовалась. С кошками было все понятно, она была их хозяйкой и знала, как с ними управляться. А что ожидать от этих двух?

— Я все понял, Илайна! И мне это чертовски нравится! — парень подошел к Илайне и обнял ее, потом схватил на руки и закружил.

Он весело и громко смеялся. Все также стоявшая в стороне девушка улыбнулась. Илайна высвободилась от цепких сильных рук, потрепала парня по волосам.

— Ладно, Моки, ты все такой же приставучий, хватит! А ты, Мираи, как тебе в человеческой шкуре?

Мираи застенчиво улыбнулась и пожала плечами. Илайна поняла, что ее кошки ничуть не изменились.

XVI

Моки довольно быстро освоился в Лутландии. Он подружился со всеми лутами и вечно где-то пропадал. То ходил с Прустом по лесу в поисках грибов, орехов и ягод, то лазил по горам с Задирой и Грызликом, то носился с Кентом по ближним и дальним окрестностям. Быстрый, ловкий, бесшумный — Моки был прекрасным напарником в охоте и разведке. И в силе он не уступал лутам.

А Мираи не отходила от Илайны ни на шаг. И даже больше привязалась к ней, чем будучи кошкой. Она была спокойной, тихой и молчаливой. Отвечала только, когда спросят. И еще любила сидеть с Прустом возле камина, когда тот варил обед или ужин, слушала его рассказы. Они тихо беседовали и вместе сервировали стол.

Как-то за ужином, когда все собрались за столом, уплетая дымящееся рагу из грибов и трав, завязался следующий разговор:

— Слушай, Моки, завтра пошли со мной. Я заметил у Северного Хребта отличную породу, нужно будет взять инструменты и тележку, — сказал Беспардон, облизывая тарелку. Он очень быстро ел и заканчивал еду всегда первый.

— Как скажешь, — отозвался Моки.

— Моки, ты что, забыл? — отставив ложку, произнес Задира, — Мы вроде договорились с тобой пойти к Заводи. Итить твою колотить, ну что за легкомысленный мальчишка! Эй ты, Беспардон! Вечно влезаешь не вовремя со своими пустяками!

— Эээ, пардон, это вовсе не пустяки. Ну, скажи ты ему, Илайна, разве это пустяки? Из той породы много чего можно смастерить, она сиреневая, с красивыми фиолетовыми прожилками. Я такую еще не видел.

— Ладно, Задира, и с тобой пойду. Можно же к Заводи пойти после обеда.

Но Задира ни в какую не хотел соглашаться, ему непременно нужно было идти к Заводи с рассветом. Он спорил, кричал и грозил кулаком в сторону Беспардона. Тот никак не соглашался уступить. Моки хохотал, остальные луты шумели и спорили друг с другом, решая, когда лучше идти к Заводи.

— Ну поймите же вы, дурачье, что мое дело важнее, вот не хотел вам говорить заранее, ну раз уж такие споры, так уж и быть, скажу. На Заводи я заметил лошадок, они пугливые и редко когда их можно заметить. А уж если выслеживать их, то это дело на весь день. Нам позарез нужны лошади. Если заловить парочку-другую, забот бы не было.

— Согласна с тобой. Давайте так решим, Моки пойдет с Задирой, а с тобой, Беспардон, пойдем я и Мираи. Думаю, тебе надо еще кого-нибудь взять в помощь, — Илайна обратилась к Задире, — Лошади дело важное. Чем больше ловцов — тем больше лошадок.

А Мираи тем временем задумалась. Она никогда не была так далеко от Подгорного Лабиринта. Но втайне всегда мечтала побывать на Северных Хребтах, в Заболотье, на Заводи и Медовой Долине. Все это были дальние места, где уже хоть раз побывали луты. А вот она ни разу там не бывала. Судя по рассказам, путь туда был не близок, да и опасен своею петляющей дорожкой по горным тропкам.

Мираи все сторонилась лутов, никак не могла привыкнуть к их шумному и грубоватому нраву. Сблизились она только с Прустом. Может, потому, что он тоже был все больше домосед. И вместе они лучше других знали все потайные закоулки их Подгорного Лабиринта. Идти с Беспардоном не очень-то хотелось, но уж если Илайна пойдет с ними, то это просто чудо, как хорошо! Засыпая в своей кровати, Мираи представляла это путешествие во всех красках.

XVII

Ранним утром они двинулись в путь. Илайна в своем удобном спортивном костюме, куртке со множеством карманов, специальных горных ботинках и рюкзаком за спиной выглядела как хорошо снаряженный путешественник.

На Беспардоне были надеты толстые грубоотканые штаны и такой же плащ до колен с капюшоном и карманами. Лазить по горам он предпочитал босиком, надеясь на свои цепкие крепкие коготочки на пальцах.

Лишь Мираи была одета совсем легко по сравнению со своими спутниками. Из верхнего платья она согласилась взять с собой только длинный плащ на случай дождя. На ноги она нацепила легкие тканые сандалии, надела простой полотняный костюм с короткими до колен штанами и свободной кофтой зеленого цвета. В этом наряде с распущенными, немного спутанными волосами и дивными глазами серого цвета она казалась легкой лесной нимфой.

Казалось, что Мираи никогда не ощущает холода и жары, при любой погоде она чувствовала себя комфортно. Это была также особенность и Моки.

Илайна давно планировала осмотреть северные и восточные гряды окружающих гор. Что находится за ними, никто не знал.

Кроме прочих инструментов, полезных в горных вылазках, она взяла с собой бинокль, палатку, котелок и провизию на пару дней. Все это они погрузили на тележку, которую тащил за собой Беспардон.

— Вот была бы у нас лошадка, — сказала Илайна улыбаясь, — Сейчас бы ты шел налегке, насвистывал себе песенку, погоняя ее.

— Ну вот и ты, пардон, туда же. Уж слишком вы преувеличиваете пользу этих лошадок. Ну, конечно, не спорю, они нужны, но только не здесь, в горах. Вы когда-нибудь видели лошадь, лазающую по горам? Ха-ха-ха! — громко, во все горло засмеялся Беспардон.

— Ну, почему же, — обидевшись за свою хозяйку, ответила Мираи, — Есть много горных пород лошадей, например, мегрельская или киргизская, а есть еще локайская, алтайская, лошадь скалистых гор и еще много других. Все они не только носят поклажу, но и прекрасно лазают по горным тропам и уступам.

Илайна и Беспардон удивленно переглянулись. Лут даже присвистнул, а потом еще пуще расхохотался:

— Пардон! Вот тебе и тихоня Мираи, которая не умеет разговаривать!

— Мираи, ты молодец! И откуда столько знаний?

Илайна поняла. Сама же часто смотрела «Живую планету» вместе с Мираи, пристроившейся на ее коленях. Та, не отрываясь, во все глаза, смотрела на экран, и вот, оказывается, не зря.

Дорога была длинная, тропа бежала среди гор, то петляя вдоль отвесной каменной стены, то углубляясь в прохладное горное ущелье. Изредка попадался на пути шустрый ручеек, голосистый и звонкий, бегущий откуда-то сверху. Его можно было легко перешагнуть. Но в некоторых местах он расширялся и натывался на камни, лежащие тут и там, сердито толкал их пенстыми брызгами и бежал дальше все быстрее и быстрее.

Встречался и лес, не густой, но тенистый, где можно было отдохнуть под прохладой ясеней и берез, собрать плоды шиповника и послушать переливчатые песни лесных птиц.

Илайна уже порядком устала, Беспардон тоже замедлил шаг и пыхтел, таща тележку. И только Мираи быстро и легко неслась впереди всей группы. Она залезала на невысокий остов гряды, чтобы посмотреть, что же там, за ней. Или скакала по камням на другую сторону ручья. Потом прибежала с охапкой душистой травы и рассказывала спутникам о том, что видела. Ничего не ускользало от ее острого взгляда.

Наконец, ближе к полудню, Беспардон привел товарищей к заветной цели. Перед ними возвышался Северный Хребет — цепочка гор, обрамляющих Лутландию, ее северную часть.

Горы шли полого, постепенно возвышаясь и закрывая горизонт. По склонам их росло много деревьев. Перелески были где-то редкими, где-то непролазными и часто перемежались с лугами и озерами.

Илайна хотела попасть дальше, добраться до высоких гор за невидимым горизонтом, увидеть, что скрывается за ними. Но туда, пять дней пути, не меньше, а запасов у них только на два.

Путники остановились на высокой площадке, окруженной с двух сторон отвесными скалами. С этой стороны им открывался вид на Восточную Гряду и перелесок. Отсюда по тропинке можно спуститься к зеленому долу или подняться дальше в горы, но уже на восток.

— Ну вот и пришли, — устало сказал Беспардон, скинул с плеч мешок и отряхнулся.

Илайна, прищурившись от яркого солнца, смотрела на видневшиеся вдали величавые горы.

— Что же это за земля? Неужели этот мир пуст и необитаем? И мы здесь одни?! Это немыслимо! Как же здесь красиво!

— Пожалуй, надо перекусить, потом примемся за работу. А где у нас спички? — Беспардон порылся в мешке, — Я сейчас сам все приготовлю. А ты, стрекоза, беги к тому лесочку, там много валежника, принеси сколько сможешь дров для костра, — лут указал Мираи в сторону леса внизу. Мираи кивнула и живо спустилась по тропке к перелеску.

— Замечательная девчонка, — сказал Беспардон, — Только сдается мне, что тоскливо ей тут, с нами. Все как-то жметесь одна, притулиться не к кому, и нечем заняться. Моки, тот совсем другой, будто всю жизнь с нами жил.

Они пообедали. Выпили душистого травяного отвара.

Потом лут повел друзей через небольшую сквозную пещеру внутри скалы и вывел на горное плато. Здесь валялись огромные глыбы разных форм и размеров удивительной окраски. Одни были белые, некоторые полупрозрачные, а другие матового оттенка с прожилками от сиреневого до темно-фиолетового цвета.

Если бы эти камни были маленькие, можно было подумать, что это россыпь сапфиров. Но они были огромные, как валуны, и неподъемные.

Здесь было полутемно. Нависающие горы не пропускали солнечные лучи. Но камни будто весь свет вобрали в себя и слегка мерцали.

Беспардон примерился молоточком и легко отколол кусочек камня. Потом он забрался на отвесный уступ повыше, там было светло, поднял отколыш и посмотрел сквозь него на солнце. Камень ярко заиграл на свету, запрыгал цветными пятнами на лицах девчонок.

— Вот какой прекрасный камень я нашел, смастерю из него самые разные красивые штучки. Да что штучки, я выложу им дорожки от нашего Лабиринта до самого Предгорного Озера! Тра-ля-ля, тру-ля-ля! — распевал лут, держа камень высоко в руках и приплясывая.

«Пожалуй, это будет слишком роскошно, драгоценные дорожки среди каменных пещер. Если это только не простой минерал. Надо будет взять с собой камешек на экспертизу» — подумала Илайна.

XVIII

Они наполнили камнями все мешки, что у них были, и погрузили на тележку.

Вечерело. На небе кое-где зажигались тусклые звезды. Друзья решили поставить палатку и переночевать здесь. Беспардон развел костер, они поужинали и еще долго сидели у костра. Вспоминали свои дорожные приключения.

Вскоре лут устало потянулся и полез в палатку. Мираи свернулась калачиком и положила голову на колени Илайны. Она, вот так, безмятежно, могла спать повсюду, и на холодной земле, и на теплой перине.

А Илайна долго сидела у мерцающего маленькими искорками ночного костра. Она смотрела на бесконечно звездное небо, такое близкое в этих горах, загадочное, другое, не засвеченное яркими огнями ночного города. Она думала о том, что в суете городской жизни люди совсем забыли, как выглядит звездное небо. Они стали прятать глубоко внутри доверчивость, открытость и простодушие, ставя непроницаемую стену из лицемерия, лжи и недоверия.

Илайна сама была такой, там, в том мире. А тут, среди неприступных гор, великолепных лесов, долин, благоухающих нежнейшими ароматами, ей было так трудно привыкать заново к детской искренности, наивности и простоте отношений.

Перевалило далеко за полночь. Костер потух. Круглая белая луна светила ярко среди рассыпанных в черном небе звезд. Прохладный ветерок овеивал свежестью, принося с собой ароматы трав и цветов. Все окружающие тени потемнели и стали четкими. Дальняя гряда гор на востоке как — будто приблизилась, но стала еще таинственнее и мрачнее. Илайна невольно поежилась, осторожно разбудила Мираи, тронув ее за плечо. Они полезли в палатку, где лут Беспардон давно уже спал и видел свой десятый сон.

XIX

Когда Илайна проснулась, рядом не было ни лута, ни кошки. Яркое светило солнце. Беспардон уже накипятил воды, приготовил завтрак. Мираи набрала душистых трав для Пруста, целый мешок жириники и охапку цветов. Желтые, голубые и бледно-розовые соцветия в руках Мираи превращались в круглые душистые коврики, которые Пруст развешивал по стенам.

За завтраком Илайна обратилась к луту:

— Я хочу пойти к горам, — она указала на восточный хребет. Сейчас при ярком дневном свете он выглядел очень красивым со своими изумрудными склонами. Отсюда сверху были хорошо видны лесистая часть гор и маленькие зеркальца озер, сверкавшие между деревьев.

— Я с тобой, — воскликнула Мираи.

— Пойдем все вместе, — кивнул головой Беспардон, — Будем первыми, кто ступил на землю дальше Восточной гряды. Может найдем там еще какую каменную пещеру. И тогда я точно назову ее твоим именем, Илайна.

Здесь было принято, если кто из лутов первым находил какое-нибудь стоящее место, будь то озеро, речка или большая пещера, нашедшему давалось право дать ему имя.

Илайна сердилась на лутов, каждый раз обнаруживалась гора Илайна, озеро Илайны или, например, Илайнова Круча. Тогда она говорила лутам: «Я запрещаю вам использовать мое имя. Скоро все здесь будет называться одинаково. Давайте подходить творчески, есть столько красивых слов и имен!»

Луты ворчали, обижались, но соглашались. Потом долго выбирали названия. Так всеобщими усилиями рождалась книга географических мест и названий Лутландии. Ее вела Дита. Она своим красивым круглым почерком заполняла листы этой книги. Карту рисовал Кент, он лучше других ориентировался в горах, как свои четыре пальца знал все закоулки Лутландии, с каждой новой вылазкой раздвигая границы страны. Поэтому чаще всего именно ему, как первооткрывателю, выпадала честь дать имя новому месту. Но большой фантазии у него не было, поэтому названия давали на собрании все вместе.

— Ты же позволишь мне назвать ее твоим именем, а, Илайна? — лут наклонил голову и хитро посмотрел на девушку.

— Посмотрим. Если только это будет самая большая и самая ужасная пещера во всей Лутландии, — таинственным низким басом сказала она и все засмеялись.

— У меня даже дух захватывает от того, что я раньше Кента, да и вообще раньше всех, бываю на восточных горах. Я скажу ему — Пардон, Кент, подвинься, но сегодня я ваш герой! Дита, слушай и записывай, что я придумал. Вот так!

— Надеюсь, что мы найдем много удивительных мест и тебе придется попытеть, придумывая им имена.

Они по тропинке спустились в лощину, заросшую кустарником и низкими деревьями, ивняком и тамариксом. Потом тропинка запетляла к востоку и начался подъем.

— Беспардон, посмотри, какая живописная лощина осталась позади, — Илайна оглянулась на простершееся внизу зеленое море, — Тебе предоставлен шанс — дать ей название.

— Пардон, не вижу ничего живописного, ни камня, ни пригорка, одна только зелень кругом, куда ни посмотри, даже в сон начало клонить от такого однообразия.

— Сонная Лощина! — воскликнула Мираи.

— Точно, лучше не придумать!

Путники долго поднимались. Тропа пропала. Они шли по склону горы, усеянному мелкими и крупными булыжниками. Кое-где скудными кучками встречались тимьян и бадан. Одинокими стеблями тянулись к солнцу горные камыши.

Солнце начало припекать. Илайна и Беспардон скинули куртки и несли их в руках. Мираи, по-прежнему, не чувствуя усталости, прыгала по камням. Она убегала далеко вперед, потом возвращалась, неожиданно появляясь то справа, то слева.

Вскоре они остановились на плоской вершине одной из скал. Начиналась Восточная Гряда.

— Нужно отдохнуть, — сказала Илайна, оглядев беспорядочно лежащие повсюду крупные валуны, — Тут отличное место для привала, и тень есть и от ветра можно укрыться.

— Одни горы кругом, — лут смотрел на восток, — И они выше, чем наши. Что-то мне не хочется туда забираться, пардон.

— Отдохнем, потом двинемся, — сказала Илайна, — можешь остаться здесь с вещами, а мы с Мираи быстро поднимемся на ту высокую гору и посмотрим, что же там дальше. Неужели одни горы?

— Смотрите, здесь норка! Уютный Привал! — подала голос Мираи. Она куда-то исчезла. Потом из земли показалась ее голова, — Здесь ход, идет вниз, он узкий, но пролезть можно.

Беспардон поспешил к лазу. Вскоре он вылез оттуда и, недовольный, отряхнулся.

— Совсем не уютная норка. Темно и мрачно, разве что мешки и одежду спрятать.

— Только интересно от кого? Думаю, здесь на многие тысячи миль нет ни одной живой души, — Илайна вскинула бинокль и долго глядела вдаль, на восток, — Я вижу горы. Они простираются далеко, но не до самого горизонта. Мне кажется, там равнина дальше. И, кажется, гроззовые облака. И норка нам может пригодиться, если эти тучи придут сюда.

Илайна была права насчет гроззовых туч. В этих местах часто бывали дожди. А вот насчет того, что они здесь одни — нет. За путниками давно уже наблюдала пара глаз, спрятанных под большим капюшоном серого плаща.

Мао

I

Маленький приволжский городок опустел. Стояли жаркие дни начала июля. Выходные все старались проводить дома. Потому что жара, потому что близкие рядом. А он остался один во всем доме.

Дом его большой, каменный. Он сам сложил его по кирпичику. Любовно лепил по собственному проекту. Мечтал, как счастливы будут в нем он и его семья.

Среди ночи Мао вдруг проснулся. Он резко поднялся с постели, сел. С одеяла на пол упала книга.

В последнее время он спал в холле у лестницы, ведущей в подвал. Как-то так случилось, что в уютной розовой спальне, на огромной кровати, ему не оказалось места рядом с женой. Постепенно в холл переместились его книги, старый круглый будильник и почти весь его гардероб. Все те вещи, которые, по мнению жены, не вписывались в интерьер.

Старый диван закрипел и облегченно вздохнул. Мао казалось, что даже мебель в этом доме указывает на то, что он лишний здесь со своими потрескавшимися от работы руками, постоянно пыльной и грязной одеждой. Всем своим грубым мужским естеством.

В этом доме царила женщина. Его всегда чистенькая опрятная жена. Мао любил жену и двух дочек. Он любил чистоту и уют своего дома. Иногда он сам чувствовал неуместность своего присутствия. И совсем не винил жену. Он соглашался с ней, и начал оставлять рабочую куртку на улице, на гвозде у входной двери, а обувь под крыльцом.

Потом в подвал переехал старый холодильник, микроволновка и электрическая плитка. Мао обедал и ужинал там, наскоро разогрев еду, и снова брался за работу. Они только завтракали вместе. Потом каждый уходил по своим делам.

Мао спускался в подвал, а его жена куда-то убегала. Она не очень любила сидеть дома. Сначала он интересовался ее делами. Но, получая всегда односложные ответы, перестал раздражать жену своими расспросами.

Его отдушиной была работа. Мао любил свое дело. Он занимался скульптурой. Разной. Но больше всего он любил работать с металлом. Ему нравилось ломать характер непокорного железа и видеть, как под его руками куски металлолома превращались в произведения искусства.

К Мао часто приходили местные жители, сначала соседи, а следом и вовсе незнакомые люди. Каждый просил помочь. Кому-то запаять прохудившийся чайник, иной просил отремонтировать замок или склеить глиняную вазу. Он за все брался, никому не отказывал.

Как-то Мао сконструировал и собрал для одной старушки механизм для сбора вишни. И ей же он однажды подарил самодельный косточковыдавливатель. От денег Мао отказался, но вишневое варенье с удовольствием принял.

Слава о Мао, как об удивительном мастере, прокатилась далеко за пределы поселка. Из соседних сел шли к нему люди. Любая сломанная или ветхая вещь в руках Мао приобретала новую жизнь. Вскоре в народе его стали называть Мастером. Люди были благодарны ему. Семья Мао ни в чем не нуждалась. Но многим Мастер помогал просто за доброе слово.

II

Мао посмотрел на стоящий на шкафу будильник. Без четверти три. Он хотел пройти в комнату и взглянуть на спящих детей, но потом вспомнил, что еще с утра все уехали. Жена увезла дочерей к матери в соседний поселок.

Сна совсем не было. Он спустился в подвал. На постаменте, укрытая простыней, стояла его скульптура. С некоторых пор мастер возвращался к ней, что-то менял, что-то подправлял. Хотя любой художник посчитал бы это излишним. Но Мао тянуло к статуе, и работая с ней, он умиротворялся.

Мастер ваял свою жену. Хотел ей сделать подарок на день рождения. Он откинул покрывало. «Красавица моя», — подумал Мастер и погладил статую по отчеканенному блестящему плечу. Металлическая красавица стояла, чуть склонив голову. В руках изящная сумочка с замысловатой пряжкой.

Осталось несколько штрихов, чтобы придать статуе законченный вид. Мао подумал, что было бы неплохо приварить немного деталей к юбке, тогда ему удастся создать эффект развеивания на ветру. Его скульптура будет стоять в саду, как живая.

Искры летели во все стороны. Мастерская то освещалась голубым светом, то снова погружалась в темноту. Тени, испуганные яркими вспышками сварочного аппарата, вновь окружали Мастера и его красавицу.

Подвал был большим, но он скоро накалился от огненных брызг. Мао откинул защитную маску и вытер пот с лица. Его статуя стояла в полумраке и, казалось, это — настоящая живая женщина.

Мастер любил работать в темноте. Лишь тусклый свет лампочки над дверью освещал мастерскую. Мао оглядел свою работу. Она была прекрасна. Можно было подумать, что статуя из податливой теплой глины. Платье развевалось под порывом легкого ветра, неуловимая иллюзия движения в волосах, руках, во всем образе. На лице нежная задумчивая полуулыбка и взгляд, совсем живой, смотрящий вдаль. Мао подумал, что статуя получилась более одухотворенной, чем живой оригинал. Потом отогнал эти мысли.

Иногда они ссорились с женой. И почти всегда эти ссоры были связаны с деньгами. Мао не понимал, чего не хватает. Шкафы ломились от одежды. Сама она ходила, увешанная золотыми украшениями, словно новогодняя елка. С последнего крупного заказа одного бизнесмена он купил супруге недорогой, но вполне приличный автомобиль. Дети учились в хорошей частной школе. Дом был напичкан дорогой электроникой и бытовой техникой. И еще, она не любила его посиделки с друзьями. Говорила, что до добра они не доведут. Мао соглашался. Он понимал, что она права.

Мужчина еще раз критически осмотрел статую. Осталось чуть подправить детали. Он решил сделать пряжки на туфлях менее массивными. Еще нужно покрыть фигуру лаком.

Мао тщательно, почти нежно, укрыл статую простыней. Он не боялся, что жена увидит этот уготованный ей сюрприз. Ева никогда сюда не спускалась. Поначалу он даже обижался на нее. Ему нравилось, когда раньше она сидела рядом на маленькой табуретке и наблюдала за работой. А он рассказывал ей о той или иной технике литья.

Что случилось между ними? Какая кошка пробежала? Мао задавал себе эти вопросы, но не находил ответ.

Художник проработал в подвале почти пять часов, но усталости не было. Часы, проведенные в мастерской, пролетали незаметно и словно питали его энергией. Еще один день Мао пробудет в одиночестве. Потом, наконец-то, приедет жена с детьми. Несмотря на ссоры и недомолвки, он скучал по семье. Ему не хватало детских криков в доме, ворчания второй поло-

винки, которое он называл воркованием. Вопреки бытующему мнению о творческих натурах, о художниках, он не любил оставаться один.

III

Весь следующий день Мао слонялся по дому. Работа не клеилась, и он решил дать себе выходной. Весь день провалялся с книгой, не утруждая себя приготовлением полноценного ужина, так, перекусил тем, что нашел в холодильнике. Вечером в дверь постучали. На пороге стоял Натан, приятель, живущий по соседству. Он сверкал своей обычной добродушной улыбкой:

— Слышал, твоя, — он изобразил рукой змею, — Уехала. Решил поэтому забежать к тебе и поддержаать.

С этими словами он достал из бокового кармана бутылку с темно-бурой жидкостью. Добродушный крупный сорокалетний мужчина с намечающимся животиком, Натан, всегда был в отличном настроении, за словом в карман не лез, вечно шутил и балагурил. Мао любил его. Тем более они росли по-соседству и с ранних лет дружили. Мао обрадовался приходу приятеля.

— Привет, заходи.

— Ну что, затворник, опять тебя бросили? Я как-будто чувствовал, что скучаешь без меня.

Они спустились в подвал. Натан быстро соорудил на верстаке закуску. Откуда-то появились соленые огурцы, смачные куски сала, хлеб и отварная картошка. Друзья сели на табуретки.

— Ну что, брат, — мужчина взял в руки стакан, — Я всегда так рад встрече с тобой. Но в последнее время ты совсем пропал. Где пропадаешь? Понимаю, что работа, семья — это важно, но друзей не стоит забывать, — с этими словами Натан приобнял друга за плечи.

— Согласен с тобой полностью, но пойми, — Мао обвел рукой вокруг, — вот это все не отпускает меня.

За разговором приятели не заметили, что за окном уже давно стемнело. Они слегка захмелели, и уже собрались было распрощаться, как вдруг Мао воскликнул:

— погоди! Ты должен обязательно это увидеть! Ты должен увидеть!

Он повел заинтригованного друга вглубь мастерской. Туда, где на постаменте стояла статуя. Там было полутемно и Мао прихватил небольшой ручной фонарь.

Он повесил фонарь на стену так, чтобы он освещал фигуру сверху, потом торжественно стянул покрывало. Еще более таинственная и притягательная под светом фонаря перед приятелями предстала красавица. После минутного замешательства Натан, наконец, смог, немного заикаясь, выговорить:

— К-кто эта богиня?

IV

Каждый художник в той или иной степени эгоцентрик. А иначе он не смог бы творить. Мао был погружен в себя и очень часто не замечал самых простых вещей. Особенно, когда был поглощен новой идеей. Для него это становилось единственно важной вещью. Он замыкался в себе, полностью уходил в работу. При всей своей любви к окружающим в эти моменты существовали только он, его чувства, его эмоции, голоса внутри. Он переставал замечать чередование дней и ночей. Бытие превращалось в один сплошной поток самосозерцания и творческого озарения. С великой досадой Мастер выходил из потока. Он не любил, когда его отрывали от работы для решения каких-то насущных нужд и проблем. Он становился зол и невыносим.

Теперь, когда статуя была почти закончена, в душе Мао поселились покой и умиротворение. Никогда не находивший поддержки в семье, вечно сомневающийся в результате своего труда, не уверенный и страшно ранимый, сейчас он был окрылен реакцией друга. А отклик Натана, без сомнения, был искренним. Да и не могло быть иначе. Мастер превзошел самого себя. Он сам это видел. Но хотел услышать от других. Натан благоговейно прошептал:

— Брат, это чудо. То, что ты сотворил. Она живая. Она, кажется, дышит. У меня просто нет слов. Ты, брат, гений.

Эти искренние бесхитростные слова воодушевили Мао.

Если рядом с вами живет Художник, берегите его, любите и восхищайтесь. Вы увидите, как у него вырастут крылья, и не будет ничего невозможного. Хвалите его, и вы получите самого благодарного и искреннего друга.

Мастер был по сути большой ребенок, очень нуждающийся в словах поддержки и любви. Но так редко слышавший их от близких. После ухода друга Мао долго сидел на ступеньках своего подвала. В его душу возвращались спокойствие и радость.

Он захотел услышать голос жены, сказать ей слова благодарности. Все-таки она была его музой, хоть и равнодушной. Мао вскочил и быстро пошел в холл.

Сотовый жены был отключен. Он покрутил диск старенького стационарного аппарата. Набирая номер телефона, он представлял, как подводит жену к статуе, как откидывает покрывало, как она охает и кидается ему на шею. Как она его целует и плачет. О Ева, Ева... Он не успел домечтать, в трубке послышался сонный голос:

— Алле?!

Это был голос Евы. Сонный, равнодушный, совсем не тот, который он хотел услышать.

— Ева, дорогая, ты должна немедленно приехать. Ты должна быть здесь, Ева, я не шучу, ты должна быть здесь, со мной.

— Ты на время смотрел? Среди ночи будишь, чтобы подшутить?

— Ой, прости, я не смотрел на время, я тут дома, один, раз уж разбудил, пожалуйста, приезжай. Я не знаю, почему для тебя это невозможно, пусть дети останутся, но ты должна быть здесь!

— Ты что там сумасбродничаешь? Ты там напился, что ли? Я сплю, дети спят, вот и мама проснулась! Мама, все хорошо, иди спать, — голос Евы чуть отдалился, стал глуше, потом снова приблизился и в нем послышались металлические нотки, — Мао, мне надоели твои полночные концерты, приеду, поговорим, иди спать.

— Как ты можешь!? Сегодня, ты понимаешь, сегодня, прямо сейчас, ты должна меня услышать, ты должна быть здесь, со мной. Ты должна сказать мне то, что я хочу услышать! Ты можешь хоть раз сказать мне то, что я хочу услышать?!

— Как же мне это надоело, перестань мучить меня! — Ева всхлипнула, — Что? Что я должна говорить?! Разве я недостаточно делаю для тебя, разве я не люблю тебя?! Я плохо воспитываю наших детей? Что тебе нужно от меня! Перестань мучить меня!

— Где дети? — машинально спросил Мао.

— Господи! Спят. Где же еще?

— Это хорошо, что спят. Ты плохая мать, ты плохая жена, ты только и делаешь, что ноешь и настраиваешь детей против меня. Вы все ненавидите меня. Я сейчас сам приеду и заберу детей. Ты никогда не увидишь их, никогда не увидишь нас. Ты низкая распутная женщина, живи со своими иллюзиями, ты никогда не поймешь меня, ты недостойна, чтобы я любил тебя! Эгоистка!

— Боже, это ты эгоист!

Из трубки послышались отрывистые гудки.

Мао медленно положил трубку. В голове застучали молоточки. Он схватил телефон и с силой швырнул на пол. Трубка отлетела, жалобно пища короткими гудками. Мао наступил на нее. Послышался хруст, но гудки не прекратились.

В голове, как в немом кино, чередовались картинки. Его всегда раздраженная супруга, ее полное равнодушие к нему, к его попыткам вернуть то дивное время, когда они познакомились и, казалось, были счастливы. И самое главное, ее равнодушие к его работам, а он так старался угадать ее самые затаенные мечты, воплотить их в своем сложном искусстве.

Мао прошел в спальню. Кинулся на кровать. Зарылся лицом в подушку. Полежал так какое-то время. Понял, что уснуть не удастся. Встал. Тупо оглядел розовые стены. Потом вышел из спальни, аккуратно прикрыв дверь.

Подошел к крану, налил себе воды. Вода показалась безвкусной. Он пошарил в буфете, достал графин с бурой жидкостью. Выпил залпом прямо из графина. Горло опалило огнем. По телу расплзлось тягучее липкое тепло. Ему показалось, что земля поплыла из-под ног. А сам он покатился в бездну. И нет ни сил, ни желания задержаться за выступ.

Он так сильно захотел вернуть потерянное равновесие. Он спустился в подвал. Он должен довести ее до совершенства. Мао достал с полки над верстаком баллон с лаком. Взял тряпку и начал любовно протирать статую.

Ах, эти туфли! Слишком массивные! Небольшой штрих, и статуя обретет гармонию. Нежная, парящая, легкая, неземная, металлическая красавица. Его женщина. Его любовь. Мао взял в руки плазменный резак.

V

Наутро Мао обнаружил себя одетым в своей постели. Несмотря на приличную дозу выпитого голова была легкой. Похмелья не было. И чувства вины, сопровождавшего его обычно на следующий день после обильного возлияния, тоже не было.

Утро сулило прохладный приятный день. И на душе было спокойно и безмятежно. Он чувствовал радость и освобождение. Его работа была завершена.

Мао был счастлив. Да-да, несмотря ни на что, он был счастлив. Так часто бывает — утром все черные мысли и образы уносятся прочь. Он осознал, что жизнь продолжается. Он совсем не помнил о ночном разговоре с женой. Не чувствовал себя виноватым. Да, они уже давно не любили друг друга. Кого он обманывает? Их отношения уже давно стали чисто номинальными. С этой женщиной его связывают дети. И он благодарен ей за девочек, домашний очаг, милый уютный дом, за вдохновение. Мао усмехнулся: еще немного, и над его головой повиснет светящийся нимб. Он не чувствовал себя эгоистом, зря она так. Все, что он делает, он делает ради семьи. А взамен хочет немного, всего лишь чуточку понимания, и внимания, и теплого поцелуя перед сном, и совместных вечеров в темном рабочем подвале.

Мао вспомнил завершенную статую и счастливо улыбнулся. Сегодняшний день сулил еще и солидный заработок. С утра позвонил клиент, нарисовался хороший заказ.

Наскоро позавтракав, Мао нашел в куче бумаг в шкафу чистый листок, написал записку и прилепил на холодильник: «С днем рождения, дорогая! Вечером буду. Тебя ждет большой сюрприз! Дождись меня, постараюсь быть пораньше. Целую Мао.»

Но день закончился не так радужно, как начинался. Вечером этого дня Мао был раздавлен и убит.

Они стояли в мастерской друг против друга. Она наотмашь ударила его по лицу. Он зажмурился. А когда открыл глаза, увидел злой, ненавидящий взгляд. Ее перекошенное от ненависти лицо, ее искривленный безобразным оскалом рот превратили довольно симпатичное лицо в отвратительную маску. Он поймал себя на мысли, может это и есть ее настоящее лицо. Мастера охватило какое-то равнодушное безучастие. Он, молча, как — будто, со стороны, наблюдал, что будет дальше.

Она замахнулась опять. Он перехватил ее руку и сжал так, что побелели пальцы. На миг выражение ненависти на ее лице сменилось страхом. Но только на миг. Она знала, что он никогда не сделает ей больно. И никому не сделает. Его доброта и мягкость казались ей слабостью. Его благородство — бесхарактерностью. А терпимость и вовсе недостойным качеством настоящего мужчины. Возможно, она хотела видеть рядом с собой брутального мужика, размахивающего кулаками, как кувалдами.

— Отпусти! — завизжала она тонким голосом, — Не смей трогать меня!

Он внимательно изучающим взглядом смотрел на жену. Он никак не мог понять и найти сходства, хотя бы отдаленного, связывающего ее и ту, прекрасную, из металла.

Он отпустил ее руку. Она с рыданиями побежала вверх по ступенькам. Он обернулся, посмотрел на статую. Виновница их ссоры стояла на том же месте. Виновница его позора не испарилась, не исчезла.

Но от ее былой красоты осталась лишь легкая полуулыбка. Лицо, шея, грудь были в безобразных нарывах и буграх. Страшные потеки металлической плоти свисали рваными лохмотьями. Мастер вздрогнул, как будто только что увидел ее. Он пошатнулся, и чтобы не упасть, схватил статую за руку. Вместо пальцев из руки торчали оголенные прутья железной арматуры.

Мао со стоном опустился на пол. Он плакал. Слез не было, они были внутри и обжигали грудь. Он оплакивал поруганную красоту, треснувшие по всем швам отношения, свою разрушенную жизнь и самого себя.

VI

Вот уже неделю Мао жил один. Жена, забрав детей, уехала. Сказала, что к матери. Ему было все равно.

Каждый день, проснувшись, он спускался в подвал. Мао мог часами сидеть на стуле напротив статуи и смотреть на нее. Мао мысленно уже не называл ее «моя красавица». Она стала для него каким-то немислимым объектом поклонения. Монстром с живой душой. Идолом.

Словно, пресытившись красотой, он искал упоения в уродстве. Он перестал творить. Он думал совсем бросить ваять, и уже нашелся покупатель многочисленных инструментов.

Мастер созерцал созданное им чудовище, и оно ему нравилось, сейчас даже больше. Может из-за того, что идол явился косвенной причиной окончательного разрыва этих, ставших для Мао невыносимыми, отношений с Евой.

Они были разными. Наверно, в этом все дело. Ева — вода. Мао — огонь. Ей нужны были богатство, золото и меха, ему — тепло объятий и душевность разговоров. Ева мечтала о статусе и положении в обществе. Мао мечтал о любви.

Однажды в один из тихих одиноких вечеров Мастер сидел на табуретке возле статуи, разбирал инструменты, укладывал их по ящикам и ячейкам. Было уже поздно. Мао потянулся так, что захрустели суставы. Взглянул на настенные часы. Половина одиннадцатого — машинально отметил про себя. Хотя время для него перестало быть каким-то отсчетом, величиной. Просто цифры и стрелки. Но все же Мао подумал, что нужно лечь в постель и попытаться уснуть.

Он тщательно укутал статую покрывалом. Выходя из мастерской, Мао щелкнул выключателем и кинул взгляд на статую. Ему показалось, что она пошевелилась. Мао включил свет. От статуи метнулась тень в нишу у дальней стены.

Мао прыжком очутился там. В углу сидел кто-то, укрытый темным плащом. Мао рывком сдернул накидку. Странное существо взвизгнуло и отскочило в сторону. Это было нечто скелетоподобное, абсолютно нагое, покрытое редким пухом. Оно сидело на корточках, его длинные костлявые пальцы шевелились, двигаясь по полу, словно хотели нащупать там щель и ускользнуть.

Широко раскрытыми глазами Мао смотрел в пустые глазницы. Его сердце бешено колотилось. Он, конечно, испугался, но медленно пошел на тварь, косясь на висевший на стене топорик. Существо напряглось, его костлявое тело тряслось, голый череп мотался из стороны в сторону, будто кто-то дергал его за нитку. Мао дотянулся до инструмента и замахнулся на «гостя». Тварь с диким визгом перемахнула через мужчину, вспрыгнула на верстак и на четвереньках, по-обезьяньи, побежала по нему.

Мао что есть силы метнул топор. Но тварь уже быстро, по-паучьи, лезла на стену. Цепляясь пальцами рук и ног, существо начало бегать по стенам, полу и потолку, в панике, натываясь на разные предметы. Тварь дико визжала. На Мао падали со стены инструменты, он едва успевал уклоняться. Он пригнулся, заслонив голову руками.

Эта свистопляска продолжалась, пока существо не наткнулось на вентиляционную отдушину под самым потолком. Тварь огласила помещение громким воплем и исчезла. Стало тихо. Мао стоял на четвереньках на полу и, как замороженный, смотрел на дыру в потолке.

— Что за чертовщина, — прошептал он и медленно поднес руки к лицу. Они мелко дрожали.

Мастер увидел на полу плащ, слетевший с твари. Он осторожно поднял его. Это была просторная серая холщовая накидка с огромным капюшоном и карманами. Мао осторожно перевернул плащ и встряхнул. На пол из кармана выпал маленький блестящий предмет. Мастер

взял его в руки. Предмет представлял собой треугольник неправильной формы, с одной стороны белого, с другой — серебристого цвета.

Мао хорошо разбирался в металле. Это было не золото, и не любой другой, известный ему, металл. Похоже на олово, но слишком тяжелое. Серебро? Нет. Серебро он чувствовал по особому теплу, энергии. Мастер любил серебро, и это было не оно.

Мао положил предмет на небольшую наковальню, примерился и ударил кузнечным молотком. Молот спружинил, отскочил от предмета, рука Мао взлетела вверх. Он удивленно взял треугольник в руки и поднес к лампе, чтобы получше рассмотреть. Предмет вдруг засветился. По всему его периметру забегали разноцветные огоньки. Треугольник стал горячим, а потом вспыхнул ярким белым светом.

Свет ослепил Мао. А потом наступила темнота.

VII

— Мао! Открой дверь! Мао! Слышишь? Открой!

Натан стоял у двери, встревоженный. Он уже третий раз приходил к другу. Явно что-то случилось.

На этот раз он взял с собой отмычку, чтобы взломать замок. Закрыто изнутри. Понадобилось огромное усилие, чтобы дверь, наконец, поддалась.

Натан вбежал внутрь. Оглядел комнаты и кинулся вниз, в подвал. Мужчина с опаской огляделся. В обычно аккуратной мастерской царил ужасный бардак.

Инструменты валялись на полу, будто сметенные со стен безумным вихрем. «Похоже на драку, — подумал Натан, подобрал молоток, — Все это очень странно».

В помещении никого не было.

Он позвал Мао и еще раз все осмотрел. Подошел к укрытой статуе и приподнял покрывало. «Господи, мать честная!» — попятился он к двери и перекрестился. Натан был не робкого десятка, но вид этой статуи, обезображенной до предела, и весь странный беспорядок вокруг заставили его почувствовать какой-то мистический ужас, и он поторопился быстрее убраться из этого дома.

Несмотря на последующие поиски, обнаружить Мао так и не удалось. Мастер бесследно исчез.

Наместник Страны Гроз

I

В глубокой задумчивости наместник Тлен сидел на троне в приемном зале своего замка. Огромные арочные окна пропускали в овальный зал солнечный свет. За тяжелыми бархатными шторами напротив окон скрывались ниши. Сейчас шторы были подвязаны длинными подхватами с кистями и за ними виднелись изящные диваны и кресла с изогнутыми ножками и круглые мраморные столики.

По стенам между окнами и нишами висели портреты. Все они изображали одного человека — Наместника Земель Северной Стороны, Князя и Правителя Страны Гроз — так звучал полный титул Тлена. Тлен на прекрасном белогривом коне, Тлен в полном парадном облачении, он же — на охоте.

Великолепные картины были написаны придворным художником. У Тлена не было жены, детей, поэтому пока некоторые проемы пустовали. И у него не было длинной родословной, а вешать портреты предков короля Метродора, своего дальнего родственника, он не хотел. Хотя именно Метродор пожаловал наместнику его титул и обширные земли, простиравшиеся от западных гор до восточного моря, и от южной границы с Подлуньем до равнинных земель на севере.

Это была огромная территория. Но Тлена не устраивало служить королю вечным вассалом. Он хотел большего. Он мечтал единовластно править всей страной.

Тлен не решался заговаривать с Метродором о независимом статусе Северных Земель. Это значило нарушить клятву и, что еще хуже, выслушивать насмешливые речи короля.

А пока наместник лелеял в душе мечты о военном перевороте. Он на все готов ради обладания абсолютной властью. Он станет королем! Прежде всего наместнику требовалась армия. Выполни давно и преданно служили Тлену, их было много, но услужливости и преданности недостаточно. Нужна сила, твердость и бесстрашие. Слуги ночи не отличались ни тем, ни другим, ни третьим. К тому же, их вид, от которого Тлена передергивало. Они могли подавлять только мирных безоружных граждан его страны. Что, конечно, не мало. Везде были враги. Все хотели лишиться его власти, так дорого доставшуюся. Сколько ему приходилось притворяться и унижаться перед Метродором. Как же Тлен ненавидел короля за это!

Прекрасный замок тоже был подарком короля. Он возвышался над городом и был виден со всех его концов. Серые гранитные стены дворца, украшенные гербами и вензелями, часто к приемам увешивались гирляндами и флажками. Наместник любил приемы и пиры. Он часто их устраивал.

Тлен очнулся от тяжелых дум. Пожалуй, веселая пирушка не повредит. Чета Метродор и Хозадат возглавят список гостей, пусть возьмут с собой всех, кого пожелают. Наместник сделает все, чтобы до поры до времени не вызывать подозрений со стороны короля.

Тлен поднялся с трона. Это был высокий и подтянутый молодой мужчина. Он подошел к портрету, где была изображена сцена охоты. С такой статью, да с такой внешностью, разве он недостоин управлять этими землями и народами.

С портрета на Тлена смотрел холодным взглядом красивый брюнет с надменно поднятыми густыми бровями.

II

Хворощ пробирался сквозь чащу колючего кустарника, росшего густо здесь, у самого подножия горы. Его длинная серая накидка цеплялась за острые ветки, и Хворощ резким движением дергал за полу. Изрядный лоскут оставался висеть на ветке, но путник даже не оглядывался и быстро шел дальше.

Было жарко, но Хворощ не думал снимать тяжелый плащ. Выходя на открытые, освещенные солнцем места, он надвигал капюшон чуть не до подбородка и сильнее закутывался в плащ.

Наконец, заросли поредели и перед ним выступил крутой склон горы. Он начал подъем. Кое-где Хворощу приходилось ползти по отвесной стене, но ему это было не трудно. Он, как огромный серый паук, цеплялся за камни своими длинными костистыми пальцами рук и ног.

Выползень Хворощ служил наместнику Тлену. Он всегда усмехался про себя, когда хозяин требовал называть себя королем. Еще не король, но уже сам себя увенчал короной!

Хворощ догадывался о планах Тлена. Жалкий, трусливый и лицемерный, он был недоволен не только носить корону, но и быть наместником. Ему даже не хватает смелости во всеуслышание объявить их, выползней, своими слугами. Все прячет их по подвалам и подземельям.

Хворощ зарычал в бессильной злобе. Ему больше по душе прислуживать днем на приемах, чем копать ночами ходы в горах. А еще пуще ему не нравилось бродить в темноте по городу, подслушивая людские разговоры. Жители Фарлака научились замолкать, лишь только услышат шорох. Будь проклят день, когда их предводитель Рохос заключил сделку с Тленом. И где сейчас Рохос? Заграбастал золото, и блаженствует, наверно, там, где-то там, куда ему, Хворощу, не вернуться никогда.

— Ну ладно, подождем, подождем, мы народ терпеливый, — шептал Хворощ, поглаживая в кармане золотой кубок.

Он вскарабкался на вершину и уже хотел было спрыгнуть на ровную площадку перед собой, как услышал голоса. Хворощ замер. Его серый плащ слился с камнем.

Он увидел внизу троих. Две тщедушные фигурки и одну коренастую. Кажется, этот короткий наиболее сильный из всех, заросший, с бородой. К тому же, в руках топор.

Трое находились прямо в том месте, где был его схрон. Худой, с длинными волосами, в коротких штанах, полез в тайник. Хворощ еле удержался, хотел метнуть в него кубком. Надо подождать.

Бородатый пошел по тропинке в сторону шумевшего поодаль ручья. Третий остался один, а потом, сжимая что-то в руке, начал карабкаться вверх, прямо на выползня.

Хворощ бесшумно отступил и вжался в каменный свод. Чужак прошел мимо, никого не заметив, запрыгнул на крупный валун, поднес к глазам черный предмет и замер. Он смотрел в сторону Страны Гроз. Выползень догадался, что за предмет в руках человека. Кажется, разновидность подзорной трубы.

Что ему нужно? Что он высматривает? Выползень пригляделся. Чужак был ростом значительно ниже его, длинные волосы сзади перехвачены толстой бечевой, странное одеяние выдавало воина. Хворощ искал оружие на незнакомце, но не увидел. Пора было действовать, сейчас или никогда.

Хворощ бесшумно двинулся на врага. Тот стоял спиной. Выползень замахнулся и что есть силы ударил его сзади по голове золотым кубком. Воин упал, но успел вскрикнуть. «Совсем еще юнец» — подумал выползень. Он кинулся к своему тайнику.

III

Мираи осматривала длинный узкий лаз, как услышала отдаленный глухой крик Илайны. Она быстро поползла к выходу. Но только она вылезла из норы, как на нее налетел и сбил с ног высокий человек в сером плаще. Мираи мгновенно вскочила на ноги и отпрыгнула в сторону. Незнакомец не ожидал такой реакции. На миг он застыл, а потом кинулся на нее, размахивая кубком в одной руке, и сжимая нож, в другой.

С ужасом Мираи увидела пустые глазницы под накинутым на лицо капюшоном. Она успела увидеть Илайну, упавшую с валуна и неподвижно лежащую на земле. Мираи злобно зашипела, высоко подпрыгнула, перелетела через выползня, и накинулась на него сзади, обхватив руками и ногами. Она была безоружна. В руках Хвороща блестел нож. Выползень бросил кубок, схватил девчонку за локоть и швырнул оземь. Мираи вцепилась ногтями в руку, державшую нож, и впилась зубами в кисть.

То, что произошло дальше, удивило всех, и спешащего на помощь Беспардона, и Илайну, которая пришла в себя и подняла голову, и саму Мираи.

Незнакомец вдруг заверещал во всю глотку, его рука задымилась, он упал на спину, извиваясь, покатился с горы, перекатываясь, словно куль. Его вопль замер где-то в глубине пропасти.

Мираи не слышала эха, она уже сидела возле Илайны, помогая той подняться. Илайна, слегка пошатываясь и держась за голову, встала на ноги и спросила:

— Что это было? Кто-нибудь может мне объяснить? Мираи, ты как?

— Пардон, я тоже ничего не понимаю! Какой-то долговязый тип напал на вас. Вот как назло я пошел за водой. Но ты, Мираи, вот так Мираи, пардон, что ты сделала с ним? Кто это был?

— Мне кажется, это совсем не человек. У него не было глаз и пахло от него просто жуть как! Как отдохлой крысы. Я его изо всех сил укусила. Тьфу, до сих пор во рту мерзкий вкус, — Мираи что-то подобрала с земли, — Смотрите, это он обронил, — она показала всем золотой кубок, — Таких вещиц много там в норе.

— Кто бы он ни был, это очень опасный тип, — сказала Илайна и покосилась на Мираи, — Но ты, кажется, опаснее. Самое худшее, чего я боялась, подтвердилось. У нас есть соседи, и это явно не друзья. Ничего не трогать и не брать. Живо уносим ноги отсюда.

Они собрали вещи в рюкзаки и поспешили в обратный путь. Усталости как не бывало. Без привалов путники вскоре были дома. За ужином Илайна рассказала лутам о приключившейся с ними истории. Но очень осторожно, чтобы не напугать лутов.

— Советую вам не ходить дальше Восточной Гряды. Там живут не очень доброжелательные люди.

— Недоброжелательные?! Ха! Да это самые кровожадные и ужасные разбойники, а не люди вовсе. Вон, спросите Мираи, она вам расскажет, как он чуть не убил ее! Пардон, но называть этих безглазых чудищ людьми я бы не стал.

— Я придумал! — крикнул Кент, — Земля дальше Восточной Гряды будет называться Чертово Городище!

IV

В эту ночь Илайна долго не могла заснуть. Ее беспокоило происшествие в горах. Тут была какая-то тайна. Почему этот тип загорелся? Он кричал так, будто его раздирали на куски. Расспросы Мираи не привели к разгадке. Та сама ничего не понимала.

В комнату тихо проскользнула тень. Моки наклонился к Илайне и прошептал:

— Не спишь? Нужно кое-что обсудить, — он с ногами забрался на широкую кровать, — Знаешь, мне кажется, я видел этих, ну про кого вы рассказывали. Я не уверен, но, кажется, я встречался с ними в моей, ну той, кошачьей жизни. Ночью они приходили. Они были как тени, стояли и смотрели на тебя, спящую, своими пустыми глазницами. Они несли с собой какую-то страшную парализующую энергию. Признаюсь, мне было так страшно, что я прятался под кровать или забивался в угол. Даже в светлую лунную ночь в комнате становилось темно. Только слышался скрип и тихое шуршание. Не знаю, видела их Мираи раньше или нет, мне было страшно даже рассказывать ей. А вдруг она их тоже видела? Значит, они не моя выдумка, галлюцинация? Однажды я повстречался с ним взглядом. Я не мог зажмуриться и оторвать от него глаз. И он, стоял, как вкопанный, и смотрел на меня. А потом он исчез, и тьма отступила. Больше он не приходил. Илайна, давай опять пойдем туда, где вы встретили ЭТО. Я должен убедиться. Эх, ну почему я не пошел с вами!?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.